

Глава 4. Истоки. Часть четвертая

В казематах Дали-сы догорали последние свечи, из последних сил сопротивляясь навалившейся тьме. Сяо Юэбай шел сквозь этот мрак, и лишь белесое сияние его фонаря выхватывало бледное лицо. В мертвенном свете его кожа казалась почти прозрачной, лишенной жизни — в нем не осталось ничего человеческого, лишь леденящая жуть, точно от призрака, явившегося из преисподней.

Он шел неспешно, разрезая густую тень, пока не углубился в самое сердце тюрьмы. Здесь, в камерах для смертников, не было даже крошечных слуховых окон. Каждое помещение походило на кокон из черного тумана, где невозможно было ничего разглядеть. Почти все они пустовали, и лишь в одной томились узники.

Заслышав шаги Сяо Юэбая, люди в камере зашевелились; в тишине прозвучал и тут же оборвался чей-то подавленный женский вскрик.

Сяо Юэбай поднес бумажный фонарь к решетке, и его тихий, вкрадчивый голос раздался во тьме:

— Ну что, найдутся среди вас желающие дать показания?

Ответом ему было гробовое молчание.

— Раз так... — Сяо Юэбай задумчиво прищурился. — Старый господин Хань, быть может, вы начнете?

Тот, к кому он обратился, Хань Чжицин, был отцом вдовствующей императрицы Хань, дедом Хань Ши и Янь Сюня. Имя его означало «предельная чистота», но на деле тот был насквозь прогнившим чинушей, бравшим взятки без счета. Пока он служил, чин не поднимался выше четвертого ранга, но, пользуясь монаршей милостью к дочери, Хань всю торговал должностями. Позже злодеяния раскрылись, и его лишили всех званий, разжаловав в простолюдины.

Услышав свое имя, Хань Чжицин вздрогнул всем телом, но попытался разыграть неведение:

— Старик не понимает, в чем должен признаться господину Сяо.

Сяо Юэбай едва заметно улыбнулся:

— Хань Ши оказался на редкость строптив. Я только что собственноручно всыпал ему сотню плетей. Видно, не рассчитал силы... Бедняга не выдержал и испустил дух.

Он еще не закончил фразу, как его прервали рыдания — плакала мать Хань Ши.

Сяо Юэбай мельком взглянул на рыдающую женщину и вновь посмотрел на Хань Чжицина. Он смотрел с жадной кровью в своих персиковых глазах.

— Старый господин Хань, не будьте и вы столь упрямы.

Сяо Юэбай был наделен изысканной, почти девичьей красотой, и прежде Хань Чжицин презирал его за видимую слабость. Но теперь, под этим взглядом, старик почувствовал, как ледяной холод просачивается сквозь поры и сковывает кости, в мгновение ока расползаясь по всему телу.

Посмотрев на старика еще мгновение, Сяо Юэбай перевел взгляд на Хань Циня:

— Старший молодой господин Хань, ваш отец не желает со мной говорить. Быть может, вы окажетесь более сговорчивым?

Тот лишь покачал головой:

— Ничтожный не знает, что сказать господину Сяо.

— Вот как? Совсем ничего? — Сяо Юэбай сокрушенно вздохнул. — Тогда какой смысл держать вас здесь? Я лишь зря трачу ваше время.

Хань Цинь встрепенулся, его охватила надежда — он решил, что канцлер намерен его отпустить. Он вскочил на ноги и бросился к решетке, но в следующий миг голос Сяо Юэбая заставил его замереть:

— Старший молодой господин, пожалуй, я отправлю вас на встречу со вторым братом. Мы ведь с Хань Ши были коллегами, и мне горько думать, что он будет одинок на дороге к Желтым источникам.

Хань Цинь пошатнулся, он едва не рухнул на пол — лишь подросевшая наложница успела подхватить его под руки, не дав окончательно потерять лицо.

Видя это, Сяо Юэбай негромко рассмеялся. Он начал мерно постукивать пальцами по стене, больше не задавая вопросов.

Этот сухой перестук разносился по тесному, удушливому пространству тюрьмы, ввинчиваясь в сознание каждого из рода Хань. Казалось, Сяо Юэбай бьет не по камню, а прямо по их кровоточащим сердцам. Ритм был безжалостным — он сбивал дыхание, натягивал нервы до предела и сковывал холодом.

Прошло около четверти часа, прежде чем эта пытка звуком прекратилась.

Сяо Юэбай решил не тратить время на пустые разговоры и спросил прямо:

— Где в дворце спрятан порох? И кто должен его поджечь?

Канцлер уже знал, что семья Хань тайно провезла во дворец взрывчатку, но никак не мог найти место. Именно поэтому он бросил в темницу всех домочадцев.

После недолгой психологической осады он окончательно убедился, что Хань Ши не посвящен в детали. Именно поэтому он приказал передать Янь Сюню весть об аресте друга, а затем, воспользовавшись моментом, позволил себе вольность в отношении императора, после чего велел Лу Цзычжао отправить обоих во дворец.

Чтобы исключить ошибку, он оставил шпиона следить за каждым их шагом.

Янь Сюня и Хань Ши отправили в павильон Гуйюй, а не во дворец Циюнь, лишь потому, что Сяо Юэбай подозревал: порох спрятан именно там. Ведь в Циюне находились их покои для новобрачных — место крайне важное. Взрыв в Циюне мог одним махом оборвать жизни канцлера и императора, открыв семье Хань путь к трону. Но даже если порох был в другом месте, павильон Гуйюй стоял особняком, вдали от прочих чертогов, и считался самым безопасным местом в дворце.

Янь Сюнь...

При мысли о нем Сяо Юэбай почувствовал щемящую нежность. Он ощутил легкость, точно перышко, готовое улететь на ночном ветру к павильону Гуйюй, чтобы благоговейно коснуться алых губ императора.

Канцлер подавил чувства и принялся внимательно изучать узников. Хотя лица их во тьме были неразличимы, жесты и дрожь выдавали их с головой.

«Похоже, только Хань Чжицин и Хань Цинь знают правду», — заключил он.

Сяо Юэбай негромко хлопнул в ладоши:

— Цзычжао.

— Господин, — отозвался Лу Цзычжао, входя в круг света с какой-то ношей в руках.

Когда подчиненный поравнялся с ним, Сяо Юэбай холодно приказал:

— Цзычжао, подними ее голову. Пусть старый господин Хань и его сын посмотрят повнимательнее.

Лу Цзычжао схватил бесчувственную женщину за подбородок и прижал ее лицо к прутьям решетки.

Узники ахнули от ужаса. Хань Цинь ударил кулаком по земле и в ярости закричал:

— Сяо Юэбай! Ты посягнул на святыню! Это преступление карается смертью!

Женщиной, которую Лу Цзычжао держал как бесформенный тюк, была вдовствующая императрица Хань — мать нынешнего императора Янь Сюня, самая знатная особа в Поднебесной.

Сяо Юэбай рассмеялся, искренне забавленный:

— Старший молодой господин Хань, вы только сейчас поняли, что я не обременен почтением к чинам? К чему этот гнев? Не забывайте: завтра даже сам Его Величество император выйдет за меня замуж.

Его голос внезапно утратил всякую теплоту, став острым, как ледяной шип:

— Старый господин Хань, Хань Цинь... Где порох? И кто поджигатель?

В одно мгновение мягкий и податливый красавец превратился в беспощадного палача. Хань Цинь, побелев от страха, уже готов был заговорить, но отец резко дернул его за рукав, заставив проглотить слова.

Сяо Юэбай медленно обвел всех взглядом и остановился на Хань Цине:

— Старший молодой господин, я вижу, вы человек благоразумный. Говорите вы.

Хань Цинь молчал. Сяо Юэбай не настаивал. Он выждал долгое время, а затем резко развернулся, намереваясь уйти.

— Эти люди мозолят мне глаза, — с отвращением бросил он через плечо. — Цзычжао, убей их всех. Но используй какой-нибудь изощренный способ, не давай им умереть слишком быстро.

— Слушаюсь, господин, — отозвался Лу Цзычжао и указал на Хань Циня: — Может, четвертовать этого господина конями?

Сяо Юэбай, уже отойдя на добрый десяток шагов, бросил небрежно:

— Как тебе угодно.

Хань Цинь окончательно потерял самообладание. По его ногам потекло что-то теплое, он мертвой хваткой вцепился в ржавые прутья решетки и закричал, захлебываясь словами:

— Я скажу! Все скажу! Порох спрятан на дне пруда Циюнь, прямо перед дворцом! А поджечь его должна Ван Шу, служанка из дворца Циюнь!

«На дне пруда... Неудивительно, что его не могли найти».

Сяо Юэбай подозвал Лу Цзычжао и вполголоса распорядился:

— Следи за ними в оба глаза. Жизни пока сохрани.

Покинув Дали-сы, канцлер вскочил на коня и помчался во дворец. Он приказал взять под стражу Ван Шу и вызвал опытного ныряльщика из числа евнухов.

Вскоре тот выбрался на берег, с него ручьями стекала вода.

— Господин, на дне действительно есть посторонние предметы. Но из-за темноты не разобрать, что именно.

Порох был в воде, а заговорщица Ван Шу схвачена — на время опасность миновала. Можно было дождаться рассвета.

Сяо Юэбай взглянул на небо и сказал ныряльщику:

— Проверь еще раз, когда взойдет солнце.

Четыре часа спустя, когда совсем рассвело, ныряльщик снова спустился в пруд и подтвердил: это точно взрывчатка. По приказу Сяо Юэбая он в третий раз нырнул и через некоторое время осторожно вынес ящики на берег.

Сяо Юэбай самолично принялся вскрывать упаковку. Он слой за слоем снимал водонепроницаемую промасленную бумагу. Лишь на пятнадцатом слое в воздухе разлился резкий, характерный запах, а когда он снял еще пять слоев, вонь стала удушающей.

Канцлер велел привести Ван Шу. Служанка, увидев извлеченный из воды порох, поняла, что все кончено и пощады не будет. Она рухнула на колени, дрожа всем телом.

— Когда Хань велели тебе поджечь это? — спросил Сяо Юэбай.

Ван Шу молчала. Спустя мгновение по ее подбородку потекла кровь, капая на землю с тихим, отчетливым звуком.

Один из евнухов вскрикнул:

— Господин! Она откусила себе язык!

Сяо Юэбай лишь устало махнул рукой:

— Похороните ее. И разберитесь с порохом.

Когда угроза была устранена, он наконец почувствовал легкость. Судьбу семьи Хань пусть решает Янь Сюнь — в конце концов, это его родственники.

Сяо Юэбай шел к своим покоям, радостно размышляя: «Надо примерить свадебный наряд. Если не подойдет, еще есть время перешить».

Вдруг издалека донесся свист. Огненная стрела прочертила небо и вонзилась прямо в фитиль одного из ящичков с порохом.

Никто не успел среагировать. Взрыв прогремел мгновенно, и вспышка его была ярче полуденного солнца.

Теряя сознание, Сяо Юэбай прошептал:

— Надо было сначала навестить А-Сюня... Интересно, он уже позавтракал?

Тем временем в павильоне Гуйюй Янь Сюнь взглянул на алое свадебное одеяние в руках Лу Цзычжао и отвернулся.

— Оставь в стороне.

— Прошу вас, Ваше Величество, примерьте, — настаивал тот. — Вдруг не по размеру.

«Не по размеру? Какая разница, если эта свадьба — лишь позорное клеймо на моем имени?»

Янь Сюнь не удостоил его ответом и снова сел у постели Хань Ши.

Едва он опустился на стул, как снаружи раздались отчаянные крики:

— Ваше Величество! Ваше Величество!

Голос показался ему знакомым — так кричала одна из служанок его матери. Янь Сюнь вскочил и, пренебрегая попытками Лу Цзычжао его остановить, распахнул дверь.

На земле перед стражниками корчилась в рыданиях служанка. Увидев императора, она припала к его ногам:

— Вчера вечером канцлер Сяо приказал забрать вдовствующую императрицу... Нас всех посадили под замок, я едва сумела сбежать!

Янь Сюнь похолодел. Он резко обернулся к Лу Цзычжао:

— Зачем Сяо Юэбай забрал мою мать?

В этот момент служанка сквозь слезы узнала Лу Цзычжао и указала на него пальцем:

— Это он! Он забрал Ее Величество!

Выходит, покинув павильон Гуйюй, этот человек отправился за его матерью! Янь Сюнь не знал, жива ли она, и ненависть к Сяо Юэбаю вспыхнула в нем с новой силой.

Лу Цзычжао только собрался что-то сказать, как окрестности сотряс оглушительный грохот. Вдалеке в небо поднялся столб черного дыма, застилающий солнце.

Почуввав неладное, подчиненный канцлера сорвался с места и, используя технику легкости, помчался в сторону пожара.

Янь Сюнь остался на месте. Он приказал стражникам:

— Один из вас — проверьте, что там произошло. Другой — немедленно приведите ко мне вашего канцлера.

Но не успели воины ответить, как к павильону подбежал запыхавшийся евнух. Едва переводя дыхание, он прохрипел:

— Во дворце Циюнь взрыв... Господин канцлер был там...

Янь Сюнь перебил его:

— Он жив?

Евнух низко поклонился:

— В Циюне бушует пожар, туда не подступиться. Господин Сяо... скорее всего, погиб.

— Вот и славно, — отрезал Янь Сюнь и вернулся в комнату.

Едва он переступил порог, как в глаза ему бросилось алое свадебное платье. Завтра должен был состояться день его позора — его семнадцатилетие и свадьба, на которую его вынудил Сяо Юэбай. А сегодняшний день внезапно стал днем поминовения канцлера.

Он медленно подошел к постели Хань Ши и сел, бездумно глядя на спящего друга. Прошло много времени, прежде чем он прижал руку к груди и тихо произнес:

— Синчжи... У меня почему-то сердце болит.

<http://bllate.org/book/17467/1692384>